

Ритуал

Моррис Фернандез

Все это не прошло бесследно, и мужчина заболел. У него поднялась температура, и болезнь выжала из него все соки. Он пытался спать, но, забываясь коротким сном, видел Яреци и Лауритту - двух своих любимых девочек, как всегда ласково называл их. Было больно и невыносимо. Было страшно от осознания того, что мир, к которому он привык, больше никогда не станет прежним. Все изменилось. Он стал не только вдовцом, но и сиротой, если это слово можно использовать к старикам. Он остался один, и фамилия Фернандез скоро исчезнет с лица этой планеты.

Моррис просыпался от своих слез. Подушка была мокрая, и он даже никогда не мог подумать, что может так плакать. Но больше всего его страшил тот факт, что он не успел попрощаться с дочкой. Не успел сказать, что сильно любит ее и не может жить без нее. Если бы можно было время повернуть вспять, то он бы простил свою непутевую дочь.

Наверное, тогда, после смерти Лауритты, надо было взять Яреци и Кимико и уехать с ними в Мексику. Почему он этого не сделал?

С ним сидела Жюли, она помогала ему и проводила с ним очень много времени. Он иногда бредил, что-то рассказывал ей о своей маленькой дочке, и сердце его снова разрывалось от боли. Он не хотел мириться с этим. И он не был уверен, что с этим можно мириться.

Проснувшись от очередного кошмара, мужчина всхлипнул и сел на кровати. Голова кружилась и болела. Хлопнула входная дверь, слышались шаги. Голос. Жюли разговаривала по телефону. Моррис встал с кровати и вышел из комнаты. Жюли разговаривала в комнате, но мужчине было все равно, есть она или нет. Теперь его ничего не волновало. Ведь той девочки, ради которой он все эти годы жил, больше не было. Он никогда больше не услышит ее голос. Не увидит ее слабую застенчивую улыбку, не сможет обнять. Но ведь у него есть Жюли и Юка. Девочка любит его, и он тоже ее любит. Ему нравится с ней гулять, болтать и играть в шахматы. Но она никогда не станет его маленькой Яреци. И Жюли никогда не станет его любимой Лауриттой. Он любит их, любит по-другому.

Моррис остановился около стола. Там стояла урна. Мужчина не смог подавить в себе стон.

- Яри... - Он взял в руки урну и почувствовал тяжесть. Сел на стул.

На кухню вошла Жюли. Женщина не могла подумать, что Моррис проснется именно в этот момент. Она хотела убрать урну подальше, но ее отвлек звонок телефона. И сейчас сюда пришел Моррис.

- Она вся здесь? Она... неужели это она? Жюли, как мне быть? Как мне жить с этим? Что мне делать? Она не может быть здесь, ведь при рождении она весила больше. Жюли, почему она? Почему ее не спасли? Этот монастырь, он уничтожил мою дочь.

Яри...

Мужчина сгорбился, руки затряслись, и он чуть не выронил урну, но Жюли ее перехватила. Убрала ее подальше и села рядом с Моррисом. Крепко его обняла и прижала его голову к своей груди.

Моррис Фернандес

Жюли сидела на соседнем стуле и прижимала его голову к своей груди. Она винила себя, что не унесла урну с прахом подальше, и теперь Моррис это увидел. У него случился шок и истерика. Не каждый день приходится держать урну с прахом любимого ребенка. Женщина до сих пор не могла понять, что может чувствовать ее любимый мужчина, но это в очередной раз ей напомнило, что жизнь слишком коротка. И может оборваться в любой миг. И это заставило ее в тот день, когда она узнала о несчастье, позвонить своему сыну и услышать его голос.

Голова Морриса была очень горячая, волосы мокрыми от пота, и женщина сидела рядом со своим мужчиной и терпеливо ждала. Сердце сжималось от его вслипов, белоснежная блузка намокала от его слез, и сам мужчина вызывал жалкое зрелище. Но она не могла его в этом винить. Нельзя винить в "чужаествах" человека, потерявшего всю семью.

Хлопнула входная дверь, послышались шаги, и вна кухне появилась Юка. Она вопросительно посмотрела на женщину.

- В холодильнике стоит пузырек волокардина. Десять капель на полстакана воды, - сказала Жюли.

Когда девочка все сделала, женщина напоила своего любимого лекарством и поцеловала его в разгоряченный лоб. Обняла лицо ладонями и заглянула в его глаза. Потом поцеловала в щеку.

Лекарство начало потихоньку действовать. Всхлипы становились реже, а потом и вовсе прекратились. Моррис смущенно посмотрел на пятно от своих унижительных слез на белоснежной блузке любимой и опустил голову. Взял ладонь Жюли и поцеловал. Увидел стоящую неподалеку Юку и протянул ей руку.

- Юка, Жюли, простите меня, я... не смогу их забыть. Я люблю вас, милые мои девочки. Но они... Я не могу поверить, что ее больше нет. Моя маленькая девочка, моя малышка... неужели она больше никогда не улыбнется? Неужели я никогда больше не услыше ее голос? Прошу вас, любимые мои... не бросайте меня.

- Мы не бросим тебя, мой любимый. - Сказала Жюли и снова обняла своего мужчину.

Через полчаса Морриса стало клонить в сон, и он отправился спать.

Моррис Фернандес

Какое-то время снов не было, но потом, вероятно, действие лекарства закончилось, и Моррис стал видеть сны. Вот малышка Яри играет с какой-то девочкой в

песочнице, вот она идет в первый класс. Однажды она заболела и бредила, и он сидел с ней, а потом, когда она немного успокоилась, лег на ее кровать, поверх одеяла, чтобы не смущать и не пугать свою малышку. Лауре это не нравилось, она считала, что Яреци всегда симулировала, даже когда была маленькой девочкой. Нет, Лаура любила свою дочь, но часто не была с ней ласковой и нежной.

- Ты чего плачешь, малыш? - Моррис услышал всхлипы дочки в комнате. Переоделся и вошел туда. Яреци лежала на кровати и плакала. Моррис сел рядом с ней. - Расскажи.

- Меня мама наругала-а-а, - заревела дочка. - Мне по математике поставили двойку, а мама сказала, что я не буду смотреть мульты и гулять, пока не исправлю. А я не поняла-а-а математику...

- Не реви, малышка. Давай я помогу тебе разобраться с этими примерами, а потом мы вместе посмотрим мульты.

- Папочка, - Яри бросилась ему на шею, - я тебя очень люблю.

- Я тоже люблю тебя, Яри.

А вечером, когда пришла Лауритта, состоялся неприятный разговор. Моррис был на стороне дочери, и женщине это не нравилось. Моррис считал, что лишение прогулки и мультиков достаточно строгое и несправедливое наказание для второклассницы. Но Лаура была непреклонна и сказала, что он балует свою дочь. Несколько дней они не разговаривали. Даже спали в разных комнатах.

Моррис застонал и открыл глаза. Снова болела и кружилась голова, в теле была какая-то слабость, и мужчина сел на кровати. Почему-то снова подташнивало, а во рту был непонятный привкус. Какого-то лекарства. Встав с кровати, он пошатнулся, но удержал равновесие. Медленно вышел из комнаты, останавливаясь от одышки. В столовой кушали Юка и Жюли. Запахи еды будоражили сознание, но еще и отзывались легкой тошнотой. Жюли помогла Моррису сесть на стул и поставила перед ним пивлу с куриным бульоном. Мужчина долго смотрел на прозрачную жидкость, а потом взял горячую пиалу в руки и сделал небольшой глоток бульона.

Даже этот вкус курицы напомнил о дочке. Моррис закрыл глаза и вспомнил, как Яри под его руководством училась готовить. Воспоминаний, связанных с любимой дочкой, оказалось так много, что он не был уверен, что сможет со всем справиться. Не рассказывать же всем про свою дочь и многочисленные моменты, связанные с ней. Это никому не нужно, а он остался один.

- Мне очень больно без нее. Я знаю, что эта боль никогда не исчезнет. Я понимаю, что вы не обязаны со мной носиться и успокаивать меня. Просто, - Моррис вздохнул, - спасибо, что вы есть у меня. И простите, если моё поведение выходило за рамки приличия.

- Все хорошо, мой родной, - Жюли встала со стула и крепко его обняла. - Ты всегда можешь на нас с Юкой опереться, мы же семья. Я не виню тебя.

Юка тоже подошла к нему и робко его обняла. Моррис поцеловал ее в щеку, потом

посмотрел на Жюли и слабо улыбнулся. Женщина поцеловала его в висок, а потом вернулась на свое место. Моррис продолжил пить бульон, слушая обсуждения Жюли и Юки о предстоящей поездке девочки с классом в другой город.

Моррис Фернандез

Благодаря присутствию в его жизни Юки и Жюли, этот день для Морриса прошел более-менее. К вечеру он уже начал немного улыбаться, особенно когда играл с Юкой в шахматы. И ночь прошла хорошо, без лишних сновидений и воспоминаний. Дома Моррис старался быть таким же, каким был всегда - заботливым мужем, любящим приемным отцом и иногда строгим. Юка не лезла к нему с лишними разговорами и упоминаниями о дочери, за что он был ей благодарен. На маленькую девочку-подростка не стоит выливать всё это, грузить её историями, которые ей не нужны. Не нужно ей было и присутствовать на ритуале. Но Юка сама попросила взять ее с собой, и он не мог отказать.

Но пока Моррис не был готов выходить даже на улицу. Ему тяжело было смотреть на людей. Слышать их голоса, видеть их лица, спрятанные под масками. Сам Моррис пытался нацепить на себя маску, но у него ничего не получалось. Глаза, да и весь вид, выдавали в нем грусть и безграничную печаль. Он не был пока готов возвращаться к работе, но и разговаривать со своими сотрудниками тоже пока не мог. Ему было стыдно, он помнил, как сильно опозорился перед ними. Но у него пока не было сил просить прощения у них. И он боялся. Что не сможет вернуться к нормальной жизни.

А еще было одно важное дело, самое важное и незавершенное. Три дня назад он взял в руки урну с прахом своей дочки. Больше об этом никто не напоминал, Жюли убрала этот предмет в темный и дальний угол квартиры, но Моррис понимал, что надо все это завершить. Но он не мог найти в себе силы заниматься всеми этими вопросами. Жюли предложила свою помощь, но он отказался. Это должен был сделать он сам. Но он не мог. Может быть, это бездействие показывало его слабость и ничтожность, но он просто не мог морально собраться, чтобы с урной в руках пройти по кладбищу, положить ее в стену, отдать самую лучшую фотографию его малышки для гранитной плиты, которой закроют урну. Не мог. Было тяжело. И страшно.

Страх каждый вечер, когда в квартире затихали все звуки, своей холодной и липкой ручонкой сжимал его сердце. Страхом было понимание, что он может многого не успеть. Не успеть сказать своей внучке, что очень ее любит, что она похожа на свою маму. Не успеет сказать Юке, что любит ее и прощает все поступки. Не успеет сказать Жюли, что и ее очень любит.

И опять эти воспоминания. Воспоминания о любимой дочке, стоит только выключить свет и закрыть глаза. Ее личико, с застенчивой улыбкой, ее серые глаза, полные страха и слез. Тоненькая фигурка, словно дрожащая от холода. Яреци всегда была осторожной, любопытной и немного боязливой. Его Яри была тихой девочкой. Маленькой и очень доброй.

Глаза защипало, и Моррис промокнул глаза пальцами. Вдохнул и встал с кровати. Вышел из комнаты. На кухне сидела Жюли и что-то печатала на ноутбуке.

- Ты почему не спишь? - Спросила она.

- Жюли, скажи, ведь это я виноват в том, что все так произошло? Я не смог ее воспитать достойным человеком, отвечающим за свои поступки? Я виноват? Я слишком сильно любил Лауритту, и Бог отнял ее у меня. Я обожал свою дочку, баловал ее, прощал ее, и он отнял и ее у меня. Мне... не надо было ее отпускать в этот монастырь? Где я сделал ошибку? - Пробормотал Моррис, тяжело опускаясь на стул. - Я не смогу выдержать этот ритуал. Я не могу, понимаешь?! - Мужчина ударил кулаком по столу и поморщился. По щекам потекли слезы. - Я не смогу ее похоронить. Это неправильно. Мы не должны хоронить наших детей.

Моррис снова заплакал, закрыв лицо рукой. Жюли покачала головой и подошла к нему. Подвинула стул и села напротив. Отняла его руку от лица, зажала между своими ладонями и посмотрела в глаза.

- К сожалению, так иногда случается. Но, любимый, пойми, что в том, что случилось с ней, нет твоей вины. У них с Тору была красивая история, и она любила его. Моррис, она очень не хотела бы, чтобы ты страдал. Я попробую исцелить твою рану, но только если ты этого захочешь.

- Что мне делать? Я боюсь, что не справлюсь. Я представляю, что мне придется нести урну с ней, и... не могу. Слышать глухие удары молотка по плите. Это... больно. Но... я не могу ее оставить. Это неправильно. Жюли, помоги мне. Я боюсь, что не смогу это выдержать.

Женщина обняла мужчину и снова прижала его голову к своей груди. Погладила по волосам, а потом отправила его спать. Легла рядом с ним. Почувствовала, как Моррис прижался к ней. Она должна подарить ему то спокойствие, которое он потерял. Она будет рядом с ним...

Моррис Фернандез

- Папа, а что случилось с Русалочкой? Она умерла? - к Моррису, который занимался готовкой, пришла пятилетняя дочка. Мужчина внимательно посмотрел на нее и взял ее на руки.

- Да, она решила сохранить жизнь своему любимому.

- Она правильно сделала?

- Я не знаю.

- А ты бы смог так поступить?

- Я бы при всем желании не стал Русалочкой. Поэтому я бы не смог пожертвовать жизнью ради любимого. - Улыбнулся счастливый отец. - Скоро должна вернуться мама. Давай ей сделаем приятное.

- Я нарисую ей Русалочку, - дочка слезла с его рук и побежала в свою комнату. А Моррис вернулся к готовке и покачал головой: ох уж эти девочки.

Мужчина застонал и повернулся на другой бок. Положил руку на Жюли и прижался к ней. С любимой женщиной было как-то спокойнее и не страшно. Она лечила его раненое сердце своим присутствием и теплом.

Но переворот на другой бок не помог ему избавиться от воспоминаний. Эта чертова Русалочка, героиня отвратительной сказки Ганса Христиана Андерсена, преследовала его. Моррис читал дочери несколько вариантов этой сказки, они смотрели полнометражный мультфильм немецкого производства, а потом наткнулись на более добрую адаптацию мультфильма. Яреци нравились мультфильмы, созданные на студии Дисней, и дочка училась рисовать этих героев. А еще у Яреци была игрушка - русалочка Ариэль, привезенная Моррисом из Штатов.

- Папа, а морская пена - это ведь душа русалочки? - как-то спросила подросшая дочка.

- Малыш, ты ведь знаешь, что русалок не существует.

- Если бы я была русалкой, то я хотела бы превратиться в пену.

- Яри...

Моррис открыл глаза и глубоко задышал. Жюли не было, но постель сохранила ее тепло и запах. Мужчина протер влажное лицо руками и сел на кровати. Голова несильно кружилась, и он вздохнул. Осторожно встал на ноги и направился на кухню. Жюли готовила тосты.

- Ты чего так рано встал? - женщина поцеловала его в щеку и провела ладонью по небритой щеке. - Сон приснился?

- Жюли, я ведь могу ее прах развеять с пристани? Она... хотела в детстве, да и в шестнадцать лет, быть русалкой, - тихо произнес мужчина, понимая, что все это кажется глупым. - Или надо обязательно ее оставить на кладбище? Но вдруг мы поменяем место жительства и навсегда уедем из этой страны? Она останется здесь, никому ненужная?

- Моррис, - покачала головой женщина. - Ты не пожалеешь об этом?

- Я не знаю. Я честно не знаю, - мужчина сел на стул и протер лицо руками. - Я не уверен, что Тору одобрит это. Но ведь она останется в памяти, вот здесь, - он прислонился пальцем к виску, - и я продолжу ее любить. Ее просто смоет морем, и... она станет счастлива. Кто знает, может в том мире есть русалки.

- Ох, Моррис. Может быть, ты еще подумаешь?

- Жюли, я не хочу больше думать. Я хочу избавиться от этого. Я не хочу больше думать о том, что моя единственная дочка стоит в банке. Она сейчас свободна, если есть тот свет. А я хочу, чтобы она была счастлива. Ты пойми, - Моррис сглотнул, - я не смогу увезти ее в Испанию и похоронить вместе с мамой. Для меня это настолько тяжкий груз, что я не справлюсь. Я... просто хочу хоть немного освободиться от этого груза.

Моррис посмотрел на Жюли. Женщина молчала. Она не знала, что посоветовать. Да и все это выходило за рамки ее понимания. Последними, кого она хоронила в своей жизни, были родители. Даже бывший муж сейчас был жив и здоров. И она не могла

понять, что в этом случае было правильным. Но душевное спокойствие и благополучие любимого для нее было самым важным. Она кивнула.

- Спасибо, любимая. Я не знаю, правильно я сделаю, но не могу так больше. Я хочу это сделать завтра днем. А сейчас я хотел что-нибудь позавтракать.

Через несколько мигут Жюли сидела за столом рядом с ним, и к ним присоединилась Юка.

Моррис Фернандес

Несмотря на то, что Моррис захотел провести этот ритуал, с каждым часом, приближающим это, сомнений становилось все больше. Развеять прах дочери по ветру. А вдруг он потом пожалеет об этом? Ведь потом нельзя будет ничего изменить. Все эти песчинки пепла смоем морем, и они исчезнут. А урну с прахом можно при случае достать из захоронения и перевезти в другое место. Хотя он вряд ли бы решился на такое. Но это более правильно, ведь все так делают. Хоронят в гробу или в баночке. А по ветру...

Больше всего Моррис боялся, что эту идею не оценит Тору, но зять ничего не сказал. Возможно, он просто решил тактично не говорить вышедшему из ума тестю об этом, а может было что-то другое. Но Моррис сомневался, что мужчина согласен с ним. С этим вообще нельзя было соглашаться. Ведь есть определенные правила и традиции в обществе, нарушать которые лучше не стоит. А такой поступок с развеиванием праха любимого ребенка может только совершить выживший из ума старик, коим он сейчас и являлся. Но факт оставался фактом - Тору не покрутил около виска пальцем и не послал его куда подальше, а согласился завтра приехать в назначенное место, чтобы проститься с Яреци.

На следующий день ровно в полдень Моррис вытащил из пакета урну с прахом и вздрогнул. Сглотнул и, посмотрев на собравшихся, подошел к ограждению. Посмотрел на волны, разбивающиеся о сваи пирса. Ветер играл с его волосами, и мужчина тяжело вздохнул. К нему подошла Жюли и положила ладонь на его руку. Он вздрогнул и снял крышку. Перевернул баночку и высыпал пепел.

Прах любимой и единственной дочки, его самой родной малышки, полетел по ветру. А на волнах образовалась белая пена. Может быть, ему это показалось. А еще ему показалось, что вдалеке, на волнах, что-то мелькнуло и скрылось в морской пучине. По щеке стекла обжигающая слеза. Моррис тяжело облокотился о перила и стал смотреть на белую пену и держать уже никому ненужную баночку.

- Покойся с миром, моя малышка. Пожалуйста, будь счастлива там. Я отпускаю тебя, Яреци. - Моррис слабо улыбнулся и, постояв немного, повернулся к Жюли, Юке и Тору. - Спасибо вам за поддержку. И... спасибо, что приняли мое решение. Для меня это было очень важно.

Кимико Мотидзуки

После кошмарного сна про маму прошло некоторое время. Папа ходил грустным, но не рассказывал, что случилось. Просто сказал, что мамы больше нет. Ничего не объяснил и через несколько дней отправил Кимико к бабушке. Бабушка тоже ничего

не говорила про маму, лишь однажды тетя Фуэми сказала ей, что маму настигла смерть, ее больше не будет. Кимико в свои шесть лет уже знала, что тетя Фуэми не любила маму, но слово "смерть" ей было незнакомо. Кимико было всего шесть лет, но и она не знала, что слово "смерть" означает исчезновение. Мама никогда больше не придет? Мама не поругается с папой? Может, она уехала в далекую экспедицию? Да, наверное так лучше. Мама уехала в далекую экспедицию и больше никогда не вернется.

Кивнув своим соображениям, девочка продолжила жить так, как жила раньше. Папа вскоре забрал ее от бабушки, и на прощание Кими показала тете Фуэми язык. Папа никак не отреагировал, но потом попросил ее вести себя культурно и не раздражать тетушку. Кимико слушалась папочку и заверила, что больше не будет показывать тете язык. По крайней мере, когда та видит. Девочка была уверена, что папа, будь он не такой серьезный и солидный, тоже показал бы язык тете Фуэми.

Ей хотелось повидаться с дедушкой, но папа не отправлял ее к нему, объяснив как-то, что дедушка очень переживает. Кимико было непонятно, почему он переживает. Ведь мама уехала в экспедицию и больше не вернется. Может, в этой фразе и кроется какой-то смысл, непонятный девочке в силу юного возраста? Кими не была глупой и понимала, что с лишними расспросами ей лучше не лезть к расстроенному папе и дедушке.

Когда тебе всего шесть лет в мире очень много всего непонятного. Страшного и неприятного. В шесть лет не стоит знать, что человек, который вроде должен тебя любить, ушел. Не в экспедицию, а, если говорить грубо, на тот свет. Туда, откуда нет возврата. Это больно и тяжело. И об этом не принято говорить. Кимико решила для себя, что не будет ничего спрашивать, а если станет грустно, просто возьмет маленькую фотографию мамы и будет представлять об экспедиции. Почему-то это слово, услышанное в саду, очень ей понравилось.

Что девочка чувствовала к маме? Она не знала, как описать все эти чувства. Но помнила, что всегда любила больше оставаться с папой. Папа жалел, любил, помогал ей. Папа был добрым и хорошим. И папа никогда не ругал, даже когда она безобразничала и капризничала. А мама... из ярких воспоминаний девочки мама всегда была грустной и не улыбалась. И ругала ее. Один раз, давно, отругала ее, когда она забыла в саду сходить в туалет, поэтому на улице случилась неприятность. Мама тогда разозлилась и лишила Кимико сладкого и игрушки. А потом пришел папа и подарил ей игрушку. И не ругал ее.

Или тот случай с котенком в Пекине. Они с Тимом сбежали из сада, и она чуть не попала под машину. Тогда она сильно испугалась, но мама стала почему-то плакать, и это сильнее пугало Кимико. Папа по крайней мере, не пугал свою дочку. Может быть, было что-то еще, но самыми яркими воспоминаниями у шестилетней девочки были крики, слезы и истерики мамы. С папой было хорошо и спокойно. Папу она слушалась.

А в этот солнечный и ветреный день папа взял ее с собой на пирс. Дедушка должен был что-то сделать, и девочка, оказавшись на пирсе, стала гонять жирных и леривых чаек. В шесть лет это намного интереснее, чем думать о том, что происходит в мире взрослых.

Последняя чайка села на воду, и Кимико печально вздохнула. Гонять больше было некого, и она посмотрела на мадам Денев и Юку. На папу и дедушку. Удивилась, увидев слезу на щеке дедушки. Но вернулась чайка, и она совершенно забыла о проблемах взрослых. Ведь гонять чаек намного интереснее, чем думать о взрослом мире.

Моррис Фернандез

После этого стало как-то спокойнее на душе. Моррис с семьёй доехал до дома. На следующий день Юка помогла ему приготовить обед, и он даже слабо улыбнулся. Приемная дочка, теперь единственная дочка, с удовольствием училась готовить. Моррис смотрел на нее и сравнивал с Яреци. Яри не особо любила готовить. Она ничего не любила. Последние годы ее жизни показывали, что он, Моррис, где-то допустил огромную ошибку в ее воспитании. Наверное, надо было пороть, а может быть, не стоило ее отпускать в этот монастырь. Но если бы он не отпустил ее в монастырь, то сейчас в его жизни не было бы ни Жюли, ни Юки. Да и Юка жила бы со своим братиком, которого очень любила.

Скучно. Все это было бы скучно. Все-таки Япония является ресторанной страной мира. Здесь легче всего создать свой ресторан, налоги не такие высокие, законодательство позволяет работать саиым разным рестораторам. В остальных странах было тяжелее сделать свой бизнес. А Япония очень хорошо подходит для стартапа.

После обеда Юка предложила поиграть в шахматы, и Моррис, к ее удивлению, согласился. Моррис стал потихоньку оживать, но до полного восстановления было еще очень далеко. Боль от потери единственного ребенка останется навсегда с ним, но у него есть любимые Жюли и Юка. Новая семья.

В середине партии Моррис увидел, что Юка чем-то обеспокоена. Поставив ей шах и мат, мужчина участливо спросил, что случилось, и Юка посмотрела на Жюли. Потом на него и робко подошла к нему.

- То-сан, я... - Юка закусила губу. - Мне надо поговорить с вами. Через несколько дней мы поедем в Киото. Я бы хотела, чтобы вы поехали со мной.

- Но...

- Соглашайся, Моррис. Тебе надо отдохнуть и развеяться. Я присмотрю за рестораном. А тебе поездка пойдет на пользу.

- Ладно, я поеду, - пожал плечами мужчина. Потом посмотрел на девочку и протянул ей руку. - У тебя что-то случилось?

- Сейчас не время, но... мне мама сказала, что вы не откажетесь. Я... могу взять вашу фамилию, то-сан?

Моррис посмотрел на девочку и, глубоко вздохнув, кивнул. Юка радостно обняла его и поцеловала в щеку. Моррис взял за руку Жюли.

- Родные мои. Пусть мы все разные, но я больше всего боюсь потерять еще и вас. Я однажды чуть не потерял тебя, Юки, и я обещаю, что буду стараться быть понимающим и добрым отцом. Пусть у нас будет одна фамилия. Я согласен. Только... мне надо немного времени. Но я поеду с тобой. А потом посмотрим, хорошо?

Юка улыбнулась и побежала в свою комнату. А Жюли присела рядом с Моррисом и улыбнулась.

- Спасибо. Я не смог бы без вас.

- Мы семья, любимый мой. Давай прогуляемся?

Через полчаса Моррис в сопровождении своей любимой женщины вышел на прогулку.
